

ВАЛЕРИЙ САМАРИН

РУССКАЯ КНИГА

По приезде в Рязань замешкался на мгновенье. Времени до встречи в школе было с избытком, и я решил пройтись по зимнему городу, собраться с мыслями, зайти на квартиру, где проживали мои дети. Но сначала надо было взять газеты, которые я брал каждую неделю: “Литературную газету”, “Завтра”, “Крестьянскую Русь”, “ЗОЖ” или что-нибудь наподобие “ЗОЖа”. Последние в обязательном порядке просматривала моя жена.

Продавщицы в киоске не оказалось: или куда-то вышла, или ещё не пришла. Я непроизвольно заглянул за киоск и метрах в двадцати или чуть дальше увидел пасмурного человека, выкидывающего что-то из мусорного бака. Подойдя поближе, в числе прочего увидел какие-то журналы, две заплесневелые книжки, авторов которых различить было трудно. Сказал: “Ты что делаешь? Люди собирают, а ты выбрасываешь... Так никакого порядка не...”. Но когда я увидел его лицо или то, что было лицом, говорить расхотелось. Глаза, щеки, уши, нос, губы, осклизлые волосы, расплываясь, сообщали одну невесёлую мысль, что собрались они вовсе не для того, чтобы образовать лицо человеческого, а как бы лишь для того, чтобы признаться в том, что они тоже оттуда, из мусорного бака. Бомж глянул на меня так, как глянула бы лягушка, если бы ей сделали замечание: “Зачем ты квакаешь?” Вздохнув, я пошёл обратной дорогой. “От тюрьмы и от сумы не зарекайся”, – пронеслось в моей голове. И всё-таки здесь что-то было не так. Бомжи – это, пожалуй, особое сословие на низшей ступеньке жизни. Умирают тысячами, а меньше их не становится. Придёшь на иной вокзал и видишь, как к ночи выползают они, словно тараканы, из всех щелей. Но ведь у каждого своя невезуха: обманут, обворован, избит до срыва душевного, выброшен из квартиры родственниками или сам подписал важную бумагу по пьянке.

Ещё в автобусе думал я о городе, как о комбинате по сортировке людей. Одни – для банков, офисов, казино, депутатских кресел, другие – словно бы для того, чтобы влачить жалкое существование. И какой смысл говорить о труде как о созидающем начале, воспитывающем человека, если трудящиеся в своём большинстве стали жить плохо? А что в селе? Тоже не мёд. Как-то пришёл на поле, сплошь заросшее бурьяном, который на ветру звучал жёстко, будто вопрошал: “Что вы, люди, с землёй сделали?” И стоять стало неловко, словно груз вины именно на тебе, словно не поле перед тобой, а существо, которое ты невзначай обидел. Что делать? Молодых – кот наплакал, пожилых тоже мало. Многих, как саранча злаки, поедает вино. Беда! Не старухам же поднимать пашню... Не знаю, лицо ли бомжа отвлекло меня, которое – ни в сказке сказать, ни пером описать, – но про киоск и газеты я забыл начисто и теперь шёл по снежной улице, поглядывая на прохожих. Увидеть бы лицо, которое тебя успокоит или даже вдохновит, но где его взять?

Навстречу шли две девушки-хохотушки с бессмысленными взглядами. Может, говорят о подробностях секса? Вполне. Помои с сексуальной начинкой льются почти двадцать лет, почти отовсюду. Яды их сбили с толку, погрузили в грязь или в болезнь миллионы молодых людей. А очищаться надо, надо, как от дерьма, в которое нежданно-негаданно вляпался, когда шёл по земле. Сам ты не хотел, но кто-то для тебя постарался. Такое и со мной бывало, особенно в детстве: бежишь, бежишь и – бац! Боже! Чувство-то какое мерзкое! Кто же этот ...? А в телящике не то же ли самое? Перекалывают, как лопатой, чтобы поувесистей было... Кушайте, добрые люди... Кофе Маккона – очень вкусно! Взял новую газету, а в ней опять куча с сексом или секса куча... Тьфу! Больше брать не буду! От такого чтива не только олухом станешь, но и маньяком. Не зря они плодятся. Слово “секс” должно исчезнуть из языка... Размечтался!

За хохотушками шли два худосочных парня с курящей девицей посередине. Парни отхлебывали пиво из своих бутылок, а девица подносила ко рту сигарету. Двигались они замедленно, как-то искусственно, словно находились на какой-то съёмке. По лицам парней видно, что в армию их не возьмут, – больны. Серо-землистый цвет лица девчонки тоже наводил на грустные мысли. Книг они не читают и газет тоже. Вопросами смысла жизни не мучаются. Всё заменяют табак и алкоголь. Хорошо, что брюки девицы прикрыты курткой. А то многие, следуя дурацкой моде, штаны приспускают, показывая ложбинку, ведущую вглубь задницы, словно там очень интересно. Раньше открывали или пытались открыть душу, а сейчас...

По городу, как вездесущий прохожий, мелькал снег. То быстро шёл, словно торопясь куда-то, то совсем медленно, словно что-то припоминая. Мне он не мешал. Лица людей, обычно тусклые и озабоченные, молча говорили о современной жизни. “Если заплатить за квартиру в этом месяце, то жить будет почти не на что”, – жаловались чьи-то глаза. Я соглашался. Безденежье переносить трудно, а то и невыносимо, если за тобой семья, дети, ждущие мать или отца, которые должны что-нибудь принести.

Но встречались и лица другого рода: уверенные, спокойные, передающие железную мысль, что всё в этом мире идёт правильно, а эти, мол, которые придавлены жизнью, сами во всём виноваты: не могут жить, не умеют трудиться...

В какое-то мгновение густой, тяжёлый снег заслонил взгляды людей, словно захотел уберечь меня от тёмных мыслей. Однако они остались. Как получилось, думал я, что между людьми за короткий срок вырос снежок отчуждения, холодок вражды? Чуток побогаче – и уже хвост трубой, будто сундук с деньгами – это всё, ради чего ты жил... Читаю в памяти: “Как молодой повеса ждёт свиданья с какой-нибудь развратницей лукавой... так я весь день минуты ждал, когда сойду в подвал мой тайный, к верным сундукам...” Строчки Пушкина из “Скупого рыцаря”. Сундук вместо сердца – вот и весь человек.

И всё-таки слишком самодовольных, самоуверенных лиц было мало. Чаще были другие – стёршиеся, как месяц на закате. Они вроде бы и не жаловались, не выказывали никаких чувств, но тень внутреннего переживания в них всё-таки просматривалась: “Смотрите, дали нам жизнь – и вот то, что с этой жизнью случилось”. А получилось из неё вот что: был лужок с прекрасными цветами, но приехал бульдозер и весь дёрн снес. Прежней картины нет. Злое время снесло. Хотя время злым не бывает. Время и время. Злым его делают конкретные люди...

И вдруг, как исключение из правил, явилась на белой дорожке девушка, напоминающая искрящуюся снегурочку, романтическую комсомолку, высланную из прошлых времён в наше время. Румянец, живые глаза, несущие, как на блюдечке, душу. Не о такой ли писал поэт Павел Васильев:

*...Так идёт, земли едва касаясь.
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов,
У которых кудлы пахнут псиной,
Ноги крыты кожей гусиной,
На ногах мозоли от обнов...*

Лето пьёт в глазах её из брашен...

Но лето промелькнуло, солнце погасло, ушло. Больше мне ни на кого смотреть не хотелось. Живой пример, когда внутренняя красота усиливает, подчёркивает внешнюю. Иначе внешность, особенно женская, становится бездушной, манекенной, непривлекательной, лишённой тайны. Впрочем, многие из наших людей натрутся так, что забывают не только о тайнах, но и вообще о том, зачем на земле живут...

Приблизился ещё один человек, чем-то напоминающий увиденного мной бомжа. Я всмотрелся в лицо, словно снятое для меня с полотна неопытного художника, пытавшегося написать чей-то портрет. Но вышла мазня вместо портрета: всё вместе взятое не образует человеческого облика. Хотя этот человек ещё не бомж. Есть у него жильё – это видно по одежде, есть, может быть, и близкие.

Путь от обезьяны к человеку огромен, если он вообще был, этот путь. А дорога в обратную сторону ничтожна. Впрочем, зачем обижать животных? Спросите у них, каков человек? Нет, лучше не спрашивать...

Дальше я шёл почти машинально, переходя с улицы на улицу и ни на кого не глядя. Частенько люди встречались толпами. Где уж тут их рассматривать? Но в какое-то мгновение я почувствовал взгляд на себе, словно кто-то оценивал моё лицо, пытаюсь его разгадать.

– Извините! – раздался неуверенный голос.

– Да, – как по телефону, ответил я, взглянув на высокого мужчину с желтоватым лицом и тёмными подглазьями.

– На маршрутку не хватает семи рублей, – твёрже сказал он.

– Может, опохмелиться не хватает? – более твёрдо спросил я.

– Да нет, вот три рубля есть, – раскрыл он свою ладонь, – а остальные...

В его лице говорила правда.

– Какие беды? – спросил я, протягивая деньги.

– А-а, – вяло пропел он, – разве сразу расскажешь? Вино, вино во всём виновато... От него все беды.

– Ну, может, не совсем так, – возразил я.

– Может, и не совсем... Но от него всё пошло кувырком. Спасибо!

В последнее слово он вложил много чувства. Вот тебе и слова. Одни и те же. Обидеть человека можно и хорошим словом, а успокоить и плохим. Важно, с каким чувством говорится слово. Но здесь и слово хорошее, и сказано от души. Мы расстались.

Дом, где располагалась моя квартира, был уже рядом. И, проходя к нему через обширный двор, усаженный деревьями, я всё ещё слышал голос прохожего: “На маршрутку не хватает...”. Мне тоже денег не хватает – на жизнь. Сколько из-за них возникало проблем, раздражения, даже семейных ссор, о которых я потом жалел. Держаться надо. Душа хрустит – человек ломается. А людям, по большому счёту, ясности не хватает, как жить на этой земле. Много тумана и впереди, и сзади. Денег нет – кажется, что дело только в них. Деньги есть – хомут различных вопросов всё равно давит шею. Вероятно, жизнь прозрачна только для дураков. И почти нет разницы, есть ли у них деньги или их нет. Может, богачам на Лазурном берегу кажется, что всё идёт прекрасно? О, как бы не так! Смерть с косой все равно у каждого за плечами. И не знаешь, когда она замахнётся на твою голову.

Посреди двора, вспомнив про газеты, я свернул вправо и стал петлять между деревьями – в конце двора, недалеко от дороги, располагался уютный газетный киоск. За одним деревом с удивлением остановился, увидев книжку без обложки, вокруг которой снежный ветер устроил своеобразный танец. Одна страничка пыталась открыться, словно дверь, за которой хозяин думает: впускать гостя или не впускать. Впустил – я взял книгу. Начиналась она с 319-й страницы. А где первая половина? В снегу зарыта или в мусорном баке? Я поднёс книжку ближе к глазам и сквозь снежные слёзы рассмотрел слова из письма Ленина, обращённые к некоему т. Курскому: “Расширить применение расстрела... Террор – это средство убеждения...” Я сразу понял, кто автор этой книги, и убедился в этом, пролистав несколько страниц. На одной из них, внизу, было ясно написано: “А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг, т. 1”. И теперь из-за тёмных строк, как из-за решётки, схваченной морозом, стало вырисовываться для меня бородатое лицо их автора, знакомое всем или многим. Недавно он почил в Бозе. Жаль. Всё-таки, если его спрашивали, говорил о несправедливости, о вымирании народа, о том, что у многих на уме,

но высказать то, что на уме, дано далеко не каждому. Я стоял в растерянности: выбросить книжку или взять? Решил взять, пролистать её и, может быть, что-то вспомнить. Читал когда-то “Архипелаг ГУЛаг” в журнальном варианте. Слишком много о нём говорили, но после прочтения восторга у меня не было. Тогда, в горбачёвскую эпоху, на подобные вещи охотились, слетались, как мотыльки на огонь. А теперь многие из тех, кто читал их, ушли “под вечны своды”. Ушли, хлебнув мутной жижи другого общественного устройства.

У киоскёрши я взял газеты, показал ей книгу, которую нашёл: вот, дескать, Солженицын.

— Э-э, кто сейчас такие книги читает? — глядя исподлобья на книгу, про бурчала она, — совесть потеряли, печатают вот что, — она провела пальцем по блестящей обложке какого-то тонкого журнала, где выпячивалась чья-то задница. — А вам что, Солженицын нравится? — неровным, но понятным мне голосом добавила она. Потеряли, дескать, Советский Союз, а что обрели? Вот эти задницы? Так они и раньше при нас были, никуда не девались. . .

— Понимаете, — ответил я, — не то чтобы нравится, но есть такая загвоздка: думаешь, что-то путное упустил — написал-то он много. . .

В это время подошёл покупатель, и я не стал договаривать свою мысль.

Дома, попив чаю, взял газету “Завтра”, прочитал передовицу А. Проханова, которая всегда печаталась на первой странице. “Вот человек, — думал я, — как не похож он на пушкинского *Скупого рыцаря*, радующегося сундуку с деньгами. Этот, пройдя огни и воды, мучительно переживает за родину. Армия, народ, экономика, деревня, нравственность, демография, искусство, разваленное ЖКХ — всё в центре его внимания. О кризисе предупреждали долго до его возникновения. Кто бы прислушался. . .”

В это время раздался телефонный звонок — звонили из школы, просили перенести встречу на следующий день. . . Где-то у них прорвалась труба, и директор весь в хлопотах, в заботах о том, как её починить. Это в Москве в школах есть должность хозяйственного директора, а здесь директор и швец, и жнец, и на дуде игрец.

Скоро очередные выборы глав муниципальных образований. Живой спектакль: опять маслице, мешочки с сахаром, водочка, конфеты, сторублёвки. . .

— А за кого голосовать-то? — спросит какая-нибудь наивная бабушка.

— Как за кого? — ответит определённый представитель определённого кандидата. — Сахарок-то вам прислал Иван Иванович. . . Он очень добрый и внимательный.

— А маслице намедни приносили. . . тоже хвалили. . . как его, забыла. . .

— Маслице-то? — не удивится представитель. — Маслице, бабусь, надо проверить. . . Кто знает, какого оно качества. Голосуй за нашего — он лучше, он дров вам привезёт, поможет. . .

Такие выборы. . . А при коммунистах попроще было: приходишь — перед тобой один кандидат. Как ни ходи, он не удвоится. Бросил бюллетень — выбрал. Одного из одного. И всё равно весело: пиво привозили, музыка играла. . . Кандидат, разумеется, человек глубоко проверенный: в тюрьме не сидел, не пьянствовал, с бабами не гулял или гулял, но скрытно, так, чтобы никто не видел, особенно жена. И на работе, конечно, зарекомендовал себя с лучшей стороны. Биография чёткая, как армейский устав. . . И всё-таки хороших руководителей было гораздо больше.

Я вяло пролистал книгу Солженицына, задерживаясь взглядом на некоторых страницах. Суд над каким-то Ольденбургом. Суд над эсерами. . . Они, оказывается, были зачинщиками гражданской войны. Ещё хотели взорвать железную дорогу, по которой, напоминает Солженицын, большевистское правительство вывозило немцам золото и продовольствие. Правда, об этом факте на суде умалчивают.

Везде автор, сравнивая две эпохи, дореволюционную и послереволюционную, возмущается резким контрастам. При царе осуждённым за политику чуть ли не рай был, чуть ли не ковровые дорожки расстилали, а то, не дай Бог, голодовку объявят. . . А при Советах объяви голодовку — ещё хуже будет, ещё больше грехов навесят. Уголовников запросто натравят. Впрочем, зачем натравлять? Они сами люди ушлые, понимают, что к чему. Грабят, вещички отбирают — попробуй, вякни. Вместе везут и тех, и других. При царе-то возили отдельно, чуть ли не с почётом. И земелькой сыльных, вроде Ленина, наделяли, и деньги платили. Когда-то меня это удивляло. Ещё бы: против ца-

ря орудуют, строй подрывают, а их земелькой наделяют, охотой радуют. Может, это касалось только дворян? Всё равно странно: при чём тут дворянин или купец?

При теперешней власти, сетует автор, порядки совсем другие. На общие работы попадешь — хана! Но ведь Варлам Шаламов, тоже писатель, пройдя все круги колымского ада, остался жив. И Олег Волков, и Николай Заболоцкий?

Эпоха, конечно, далеко не мёд. Чего стоит одно ожидание в камере смертников? Придут для того, чтобы тебя убить. За что? И всё-таки я, даже бегло читая книгу, богатую фактическим материалом, замечаю, что автор не тормозит меня своим критическим пафосом. Он как бы навязывает мне своё негодование, но душа его принимать не хочет или хочет, но не принимает. А читая, например, Шаламова или Волкова, сам невольно входишь в их душевную атмосферу, живёшь ею. Вполне прозрачно видишь Колыму, “где над моим бессмертным телом, что на руках несла зима, металась вьюга в платье белом, уже сошедшая с ума”. Так себя видел замороженный Шаламов в колымской зиме.

Впрочем, наследие у Солженицына огромное. Например, книга “Двести лет вместе” не видна на прилавках. Может быть, люди читают?

Я подошёл к окну, смотрящему как раз на те деревья, меж стволов которых я проходил. На том месте, где лежала книга, бегали, догоняя друг друга, мальчишки, кадились снежками.

Я вновь представил книжку, лежащую на снегу, и из книжки вырастающее, подобно дереву, бородатое лицо Солженицына. Бывает, борода у человека, как пятое колесо у телеги. Здесь не тот случай. Александра Исаевича борода красит, придаёт ему значительность. Она не вычёркивает его ум, а подчёркивает. Как — одному Богу известно. Но ответит ли Бог, почему обломок книги перерос в моей голове в обломок империи? Нет, не ответит — ответит только человек. Советский Союз развалился не без старания Солженицына. К нему прислушивались, считая его за оракула. Оракул ратовал за объединение трёх славянских республик, а все остальные как бы и не нужны. Даже Казахстан называл “подбрюшьем”. И не знаю, к месту или нет, но у меня возникли строки:

*Устроил неслучайно жёсткий снег
У книжки этой погребальный танец...
И если сам ты русский человек,
То почему твой сын американец?*

В начале девяностых годов шло своеобразное брожение умов, особенно литературных, насчёт приезда или неприезда Солженицына. Журналы издавались миллионными тиражами. Народ кипятился страстями. Был и у меня лёгкий спор с одной женщиной:

— Зачем ему нищая Россия? — говорила она. — Что он тут потерял? У него там шикарный дом, земля, деньги. Что ещё надо?

— Ну, — возражал я, — он вернётся. Дело ведь не только в деньгах... Он воевал, сидел здесь, предки его... всё, чем он жил и живёт, — это Россия. Есть некое чувство, называемое ностальгией, понимаете?

Мадам понимать не хотела, даже не допускала мысль, что можно жить в нищете, но с патриотическими чувствами. Однако я ей напоследок сказал:

— Он и здесь, будьте уверены, бедным не будет.

Что ж! Скоро он приехал. Встречали его, как Мессию, но чуда не вышло. Исцеления России с его участием не произошло. Эйфория быстро прошла. Депутаты Госдумы, когда он выступал перед ними, усмехались. То, что он говорил, было вроде правильно, но не для них. В стране вершила танец бесовщина: растились убийцы, маньяки, проститутки, везде и всюду рушились традиционные устои... Во всём этом невольно принял участие и автор “Архипелага ГУЛаг”. Не зря говорят: посеешь ветер — пожнёшь бурю. А её укротить трудно.

Я отошёл от окна, по-прежнему держа книгу в руках и не зная, что с ней делать. Бросил её на стол и одновременно взглянул на полку с книгами, где в хорошей обложке красовался И. Ильин, русский философ, поразительно точно предсказавший возможный путь России после строительства коммунизма. Он предупреждал: не отпускайте вожжи, не вводите безоглядную демократию, не то будет то, что у нас сейчас есть.

Интересно, вспомнил я, улица Урицкого, на которой жил в своё время Солженицын, не переименована? Позвонил по телефону, узнал: нет, не переименована... А ведь в доме, где он жил, собирались открыть музей. Шума было много, но он пропал. Для меня примечательно другое: Урицкий – большевик, загубивший не одну российскую душу, и Солженицын, враг большевизма, хотя и символически, но сошлись вместе. Что ж! Может быть, так и надо...

Есть книги созидательные, объединяющие людей в трудное время. Например, "Тихий Дон" Михаила Шолохова. Читаешь – и душа крепнет, несмотря на то, что книга не из лёгких. Пытались не однажды затолкнуть его в тень, но он и в тени светил ярко.

День отпечатался в моей памяти обликом бомжа, тремя молодыми людьми, что вроде рыбаков на тающей льдине, безденежным прохожим, одинокой, но ясной девушкой – все они словно бы привели меня к этой книжке без обложки, без многих страниц...

Хорошо, что скоро весна откроет свою книгу, книгу земли, испачканную во многих местах, но живую. Читают эту книгу ещё многие, читают и радуются.

Рязань